

РѢЧЬ

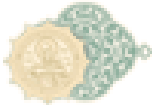
предъ панихидою въ день годовичнаго поминовенія преосвященнаго Сильвестра ¹⁾.

Годъ прошелъ со времени кончины святителя Божія, преосвященнаго Сильвестра. „Память праведнаго съ похвалами!“ Это былъ свѣтильникъ вѣры, свѣтильникъ благочестія; онъ горѣлъ и свѣтилъ, и мы радовались въ часъ свѣтлѣнія его. Кому изъ насъ не дорога память о немъ? Кто изъ насъ можетъ забыть его имя? Это имя славное, извѣстное всѣмъ богословски образованнымъ людямъ.

Ученость и благочестіе!.. Ученость привлекаетъ сравнительно немногихъ, могущихъ ее понять и оцѣнить, а благочестіе невольно дѣйствуетъ воспитывающимъ образомъ на всѣхъ. Не въ наше только время, а всегда великіе нравственные характеры оказывали большее вліяніе на человечество, нежели великіе умы. А когда ученость соединяется съ благочестіемъ, то получается чудный, дивный образъ духовной человѣческой красоты. Такою обаятельностью, духовною привлекательностью, запечатлѣнъ образъ почившаго святителя Божія. Предъ этимъ образомъ преклоняешься и смиряешься; вокругъ него вѣетъ какимъ то чистымъ духовнымъ благоуханіемъ.

Каждая черта жизни почившаго святителя для насъ высоко поучительна.

¹⁾ Произнесена 12 ноября 1908 въ великой церкви Кіево-Братскаго монастыря.

Прослужить столько лѣтъ Академіи, сколько потрудился преосв. Сильвестръ, — отдать ей всё свои силы, всё свои высокія дарованія, это по истинѣ великій даръ Божій, подаваемый немногимъ избраннымъ. Безконечно любилъ святитель нашу высшую богословскую школу. Самъ онъ говорилъ, что вросъ въ Академію всѣми корнями своей души, и со слезами онъ разставался съ нею. Бывало, когда мы посѣщали великаго старца въ его уединеніи, имѣли великое счастье наслаждаться бесѣдою съ нимъ, его первый вопросъ, обращенный къ намъ, былъ таковъ: „что въ Академіи?“ И при мысли о всегда безконечно дорогой и родной для него Академіи великій старецъ оживлялся и въ его душѣ вновь воскресало академическое прошлое, въ которое было вложено столько его самоотверженной работы.

Въ трудѣ и подвигѣ,—такова была жизнь преосвященнаго Сильвестра. Трудъ и трудъ,—трудъ неутомимый, безпрестанный. Святитель—позволимъ такъ выразиться—какъ бы вросъ въ то мѣсто, на которомъ онъ всегда занимался, и часто молодость при работѣ утомлялась, а старость была неизмѣнно бодрою и крѣпкою. Для святителя не существовало: „нѣтъ времени“, „нельзя сосредоточиться“, „отвлекаютъ“, и его мысль всегда была неизмѣнно дѣятельною.

По истинѣ величайшій подвигъ работать при той слабости зрѣнія, какая еще со дней студенчества отличала почившаго святителя. И есть нѣчто дивное и поразительное, что слабость тѣлеснаго зрѣнія соединялась въ немъ съ величайшею силою его зрѣнія духовнаго. Это—милость Божія, явленная преосвящ. Сильвестру. Тѣлесное лѣченіе восполнено преизбыточествующею духовною силою и мощью.

Въ трудѣ и молитвѣ! Въ трудѣ и въ простотѣ жизни! Въ трудѣ и милосердіи!... Почившій святитель Божій былъ великій молитвенникъ за всѣхъ насъ грѣшныхъ, и даже болѣзнь не могла воспрепятствовать ему совершать бого-

служеніе, въ которомъ онъ находить величайшую для себя отраду и успокоеніе своей души. И со всѣхъ сторонъ нашего великаго града приходили въ величественный братскій храмъ послушать дивное совершеніе богослуженія святителемъ. Какъ оно было необычайно просто и въ тоже время глубоко трогательно и назидательно, проникало въ самое внутреннее души человѣка. Простота отличала вообще всю жизнь почившаго святителя: никакой роскоши онъ не признавалъ; онъ жилъ уединенно, предаваясь служенію Академіи, наукъ и богомыслию. Весь свой излишекъ онъ раздавалъ бѣднымъ, нуждающимся, вдовамъ, сиротамъ. Это былъ своего рода апостолъ милостыни. И сколько слезъ онъ осушилъ! Сколько спасъ разбитыхъ жизней! Сколько внесъ свѣта въ міръ человѣческой нужды, горя и страданій! Не забылъ, онъ, конечно, и о нашей школѣ и о Братскомъ монастырѣ, и, отдавши имъ всѣ свои духовныя силы, удѣлилъ имъ значительную часть и отъ своихъ матеріальныхъ средствъ. И послѣ своей смерти онъ всѣ оставшіяся у него сбереженія завѣщалъ бѣднымъ, давши намъ и здѣсь великій евангельскій урокъ пещись о нищихъ, труждающихся, страждущихъ и обремененныхъ.

Въ трудѣ и правдѣ! Трудъ правды такъ же великъ, какъ и трудъ любви, ибо правдѣ всегда угрожаетъ опасность со стороны нашихъ субъективныхъ желаній, какъ любовь постоянно имѣетъ своего противника въ нашемъ эгоизмѣ и своекорыстіи. Почившій святитель былъ по истинѣ мужъ правды. Каждое его рѣшеніе и дѣйствіе было строго обдуманно, и что прошло чрезъ его глубокую мысль, то было крѣпко, какъ сталь, и чисто, какъ алмазъ. Объективная норма была всегда неизмѣннымъ руководительнымъ началомъ его дѣятельности. Тутъ не имѣла мѣста какаянибудь сухость и черствость, а это было подчиненіе своей воли высшей объективной нормѣ, осуществляемой съ кротостью, снисхожденіемъ, примѣнительно къ даннымъ усло-

віямъ и потребностямъ. Этимъ естественно устранялся всякій субъективизмъ, всякая возможность какого либо пристрастія. Свобода жизни, а чрезъ это и развитіе ея необходимо предполагають признаніе твердыхъ, опредѣленныхъ началъ жизни, съ которыми должно сообразовать свое мысленное настроеніе и волеопредѣленіе.

При воспоминаніи о преосвященномъ Сильвестрѣ предъ нами во всю ширь встаетъ его величественный академическій образъ. Онъ жилъ Академіею; онъ былъ ей всецѣло преданъ; онъ всѣми корнями своей души, по его собственнымъ словамъ, сросся съ нею и безъ нея былъ какъ бы немислимъ. Всѣ вопросы—и важнѣйшіе и сравнительно менѣе важные—рѣшалъ онъ подлинно академическимъ способомъ. Великая черта—академичность. Она углубляетъ человѣка, сосредоточиваетъ его, побуждаетъ уважать истинныя цѣнности духа, возвышаетъ его надъ всякою мелочностью и всякимъ субъективизмомъ.

Преосвященный Сильвестръ—это великій православный богословъ и онъ являетъ въ себѣ въ то же время великій нравственный характеръ. Имя его незабвенно; оно вписано золотыми буквами въ исторію нашей духовной школы. Сколько академическихъ поколѣній воспиталъ преосвященный Сильвестръ! Сколько православныхъ богослововъ изучало и изучаетъ его глубокую догматическую систему, и свои богословскіе взгляды провѣряло и провѣряетъ мыслями святителя; ибо что онъ сказалъ, то покоится на глубочайшемъ знаніи новозавѣтнаго и свято—отеческаго ученія. Всѣ четыре Академіи избрали почившаго святителя своимъ почетнымъ членомъ. Преосвященный Сильвестръ былъ іерархъ въ высшей степени скромный, работалъ онъ въ тиши и уединеніи, но слава, какъ это обычно бываетъ въ такихъ случаяхъ, сама его обрѣла и имя его достославно. Великаго старца и въ его уединеніи посѣщали многіе, и въ бесѣдѣ съ нимъ, въ его дивномъ старческомъ образѣ, вы-

ывающѣмъ чувство благоговѣнія, всякій находилъ истинное утѣшеніе и ободреніе, нравственное подкрѣпленіе.

Каждая черта личности преосв. Спильвестра для насъ глубоко и учительна. Это былъ „академическій іерархъ“ въ собственномъ смыслѣ слова. Чѣмъ дальше будетъ отодвигаться его образъ, тѣмъ глубже и отчетливѣе онъ станетъ вырѣзываться.

Да упокоить Господь въ селеніяхъ праведныхъ великаго мужа вѣры и науки, истиннаго носителя христіанскаго благочестія, друга вдовъ и сиротъ, дѣлателя непостыдна, право правящаго слово истины. Научный и нравственный духъ святителя да возвышаетъ и окрыляетъ насъ! Изъ его гроба слышится апостольское слово: „подобни миѣ бывайте, якоже азъ Христу“ (1 Корин. 4, 16).

Д. Богдасhevскій.